

СЕРИЯ КНИГ “ЧИТАЙ И СМОТРИ”

Аркадий Зюзин

ДМИТРОВ В СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Дорогой читатель!

За годы формирования Российского государства произошло немало событий, оставивших кровавый след. Но самым значительным и судьбоносным стал период рубежа XVI — XVII столетий.

Книга, которую ты держишь в руках, поведаст тебе именно о тех самых драматических событиях четырехсотлетней давности, в орбите которых оказался древнерусский городок Дмитров, вошедших в историю нашего государства как Смутное время.

Событиями Смуты были затронуты все стороны русской жизни — экономика и власть, внутренняя и внешняя политика, идеология и нравственность.

Русь, пережившая опричнину, истощенная многолетней войной и экономическими трудностями, испытывала тогда серьезный политический кризис. Борьба за власть и за царский престол, начатая московским боярством, привела впоследствии к полному крушению государственного порядка, к междоусобной «борьбе всех против» и к страшной деморализации. О причинах и последствиях Смутного времени историки спорят уже на протяжении многих десятилетий. Ведь политические смуты — катастрофические и губительные — с тех пор и до недавнего времени были особой приметой политической жизни России, на долгие годы определявшей ее историческое состояние. Надеюсь, что данная книга будет интересна тебе.

Ольга Розина,
историк, кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России средних веков и нового времени
Московского государственного областного университета

Dear reader!

During the years of the Russian state formation many events have occurred left a bloody trail. But the most significant and fateful period was the turn of the XVI-XVII centuries.

The book you are holding in your hands will tell you exactly about the most dramatic events of four hundred years ago entered the history of our state as Vague time, in which orbit became the ancient Russian town of Dmitrov.

The Vague time events affected all aspects of the Russian life — economy and power, domestic and foreign policy, ideology and morality.

Russia, survived the oprichnina, exhausted by years of war and economic difficulties was experiencing a serious political crisis. The struggle for power and tsarist throne, initiated by Moscow boyars, led subsequently to complete collapse of the state system, to the internecine «struggle of all against all» and terrible demoralization. For decades are Historians disputing about the causes and consequences of Vague time. Because political turmoil, disastrous and harmful, was a special feature of the Russian political life, determined for many years from then until recently its historical state.

I hope this book will be of interest to you.

Olga Rozina,
historian, candidate of historical Sciences,
associate Professor of Department for the Russian history of middle ages and modern times
of the Moscow state regional University

НА ПОРОГЕ СМУТЫ

Территориальная экспансия Московской Руси середины и конца 16 века не сопровождалась ростом экономической мощи государства. Скорее, наоборот, покорение Казанского и Астраханского ханств, Ливонская война и уничтожение Новгорода как международного торгово-финансового центра привели практически к исчезновению Великого Волжского торгового пути с Востока на Запад, который на протяжении нескольких столетий был одной из основ экономического развития Руси. А в период опричнины были также разрушены и внутренние экономические связи между основными областями страны.

Воцарение в 1598 году Бориса Годунова, в конечном итоге, привело к затяжному кризису власти, имевшему катастрофически тяжкие последствия.

С таинственной гибелью в 1591 году царевича Дмитрия и смертью в 1598 году старшего сына Ивана Грозного — царя Федора — прервалась династическая ветвь рюриковичей, восходившая к Ивану Калите. А вместе с нею прервалась и веками сложившаяся со времен Даниила Московского традиция престолонаследия.

Правивший страной почти полтора десятка лет от имени царя Федора Борис Годунов, бывший опричник, женатый на дочери царского палача Малюты Скуратова, брат Ирины Годуновой, жены царя Федора, путем искусных политических интриг организовал в сентябре 1598 года Земский собор, избравший его на царство. Однако, выражаясь современным языком, полностью легитимным самодержцем Годунов так и не стал.

— На место династии стала родня, главой которой явился земский избранник, превратившийся в мелкодушного полицейского труса, — с горечью писал великий русский историк В.О. Ключевский. — Он спрятался во дворце, редко выходил к народу и не принимал сам челобитных, как это делали прежние цари. Всех подозревая, мучась воспоминаниями и страхами, он показал, что всех боится, как вор, ежеминутно опасющийся быть пойманным, по удачному выражению одного жившего тогда в Москве иностранца.

Несмотря на очень разумную внешнюю политику, несмотря на то, что была налажена хозяйственная жизнь страны, сделаны большие государственные запасы, упорядочена налоговая система, правительство Бориса Годунова было мало популярно в народе.

Не принадлежавший по своему происхождению ни к Рюриковичам, ни к Гедиминовичам, в отличие от таких фамилий, как Мстиславские и Шуйские, Борис только усилил брожение и распри в среде высшего боярства. А восприятие народом власти Годунова как не от Бога только осложняло его положение. Опять поползли, утихшие было, слухи о том, что царевич Дмитрий был убит в Угличе по приказу Годунова.

К коллизиям внутриполитическим прибавились природные — с **19 февраля по март 1600 года** в Перу произошло катастрофическое извержение вулкана Уайнапутина.

В воздух было выброшено до 30 кубических километров вулканического пепла. Вулканическая деятельность сопровождалась мощными взрывами, которые буквально

Царь Борис Годунов.
Неизвестн. художник, конец 18 в.
Музей-заповедник
«Дмитровский кремль»

разорвали Уайнапутину на куски, а пепельный шлейф от извержения покрыл огромные территории.

Извержение сильно повлияло на климат Северного полушария и стало одной из причин так называемого Малого ледникового периода — самого холодного по среднегодовым температурам периода в истории Земли за последние 2000 лет. Поскольку концентрация вулканической пыли в атмосфере была чрезвычайно высока, Солнце не могло достаточно прогреть Землю. А вследствие этого зимы 1601-го и 1602-го были самыми холодными за шестьсот лет. В августе 1601 года в Москве выпал снег и замерзли реки. В 1601 — 1603 гг. на всей территории Московской Руси снег выпадал в июле и августе, а заморозки случались во все три летних месяца, вследствие чего погибал почти весь урожай. «Вулканическая зима» привела к страшному голоду.

Пытаясь ослабить социальное напряжение, правительство Годунова в 1601 г. временно разрешило переход крестьян от одного помещика к другому. В Москве были организованы государственные работы, бесплатно раздавался хлеб из царских житниц. Но это не могло спасти население страны от вымирания. Только в столице за два года погибли 127 тысяч человек, а в некоторых районах страны вымерло до половины населения. **Всего, по оценкам историков, данный голод унес два миллиона жизней.**

Выжившее в голодной пучине население России без «законного» царя накрывало следующей губительной волной — самозванством и Смутой. В стране, созданной и отстроенной, по преданиям, Рюриком почти 1000 лет назад, стало пустым свято место. А потому стоило только кому-то первым объявить себя выжившим наследником престола — Дмитрием — как самозванство, по выражению В.О. Ключевского, стало для России хронической болезнью.

Голод при царе Борисе Годунове 1601 года. Литография П. Иванова с рисунка Б. Чорикова изд. «Живописный Карамзин или Русская история в картинках», СПб, 1836 г.

Таким образом, начало 17 века ознаменовалось целым рядом событий, обернувшихся для Российского государства десятилетием страшнейших невзгод и потрясений, именуемых Смутным временем. Глубочайший экономический и политический кризис, обусловленный предшествующими войнами и опричниной, привел страну к той черте, за которой неизбежно следовали бы разрушение государственности, распад и фактическое исчезновение русской православной цивилизации.

ЛЖЕДМИТРИЙ I, КНЯЗЬ ДМИТРОВСКИЙ

Речь Посполитая, конечно же, не преминула возможностью вмешаться во внутренние дела ослабшей России. Именно там в 1602 г. объявился человек, назвавшийся чудом уцелевшим царевичем Дмитрием. Самозванцем оказался галицкий дворянин из рода Нелидовых Юрий (Григорий) Отрепьев. В возрасте 14 лет Юрий поступил на службу к боярину Михаилу Никитичу Романову, жил в Москве в его доме на Варварке, но «заворовался, спасаясь от смертной казни, постригся в чернецы». Некоторое время скитался по монастырям: в суздальском Спасо-Ефимьевом монастыре и в монастыре Ивана Предтечи в Галическом уезде. Затем он поселился в кремлевском Чудовом монастыре. До своего побега в Литву Григорий провел в этом монастыре около года. По протекции архимандрита Пафнутия патриарх Иов посвятил его в дьяконы, а затем приблизил к себе. Григорий даже сопровождал патриарха на заседаниях боярской думы. Несомненно, подобные метаморфозы происходили не сами по себе, а направлялись чьей-то умелой и многоопытной рукой.

— В гнезде наиболее гонимого Борисом боярства с Романовыми во главе, по всей вероятности, и была высижена мысль о самозванце, — описывал происходящее В.О. Ключевский. — Винили поляков, что они его подстроили; но он был только испечен в польской печи, а заварен в Москве

За год с небольшим Лжедмитрию I, принявшему католичество, с помощью сандомирского воеводы Юрия (польск. Ежи) Мнишека (ок. 1548 — 16 мая 1613) при тайной поддержке польского короля Сигизмунда III удалось собрать отряд наемников из 4 тысяч человек. Тогда же самозванец познакомился с дочерью сандомирского воеводы Мариной, на которой обещал жениться.

В октябре 1604 г. Лжедмитрий с отрядом вступил в Московское государство и в отправленном к царю Борису письме сообщал о своем спасении, требовал, чтобы тот покинул престол и постригся в монахи.

Причем письмо это он начал весьма интересным титулованием: «Мы, Димитрий Иванович, Божию, милостию, царевич всея Руси, удельный князь Углицкий, Дмитровский, Городецкий, по роду от предков своих наследственный государь великого царства Московского, похитителю власти нашей над государством Борису Годунову любовь и напоминовение, желаем неисповедимых щедрот вышнего Бога и предлагаем нашу милость.»

Самозванцу сдались и присягнули несколько северских городов — Моравск, Чернигов, Путивль, Курск, Рыльск и Кромы, а первая битва под Новгородом-Северским

*Лжедмитрий I.
Портрет из Государственного исторического музея.*

Печать Лжедмитрия I, 1604 г.

Убийство Федора Годунова в 1605 году,
худ. К. Маковский, 1862 г.

А. Гиршберг. – 30-го июня совершился его торжественный въезд в столицу; месяц спустя, мать истинного царевича всенародно признала в нем своего сына, а московский патриарх венчал его на царство.

Марина Мнишек.
Из гравюры Уткина, сделанной с портрета Кизилана.

закончилась поражением войск Годунова. К началу 1605 г. под знаменами «царевича» собралось более 20 тысяч человек.

21 января 1605 г. состоялось генеральное сражение в окрестностях села Добрыничи Камарицкой волости, где Самозванца постигла жестокая неудача: его армия была наголову разбита князем Ф. И. Мстиславским, а он с трудом спасся, бежав в Рыльск, а потом в Путивль.

Когда же неожиданно в апреле 1605 года скончался царь Борис, то в его войсках под Кромом вспыхнул бунт, большая часть которых сдалась «царевичу Димитрию». А вскоре и сам Лжедмитрий был кучкой представителей от города Путивля признан законным царем.

В Москве же боярство плело интриги против взошедшего на царство 16-летнего сына Годунова, Федора. 7 мая на сторону Лжедмитрия перешло царское войско во главе с воеводами Петром Басмановым и князьями Голицыными. А 1 июня 1605 г. царь Федор был свергнут с престола и через несколько дней задушен вместе с матерью. Московский трон освободился для Самозванца.

– Дальнейшие события были рядом блестящих триумфов Димитрия, – свидетельствует польский исследователь

Поначалу фортуна благоволила Самозванцу. Во всяком случае, он не вызвал отторжения у простого люда, скорее наоборот, с определенными оговорками его признали царем. В.О. Ключевский так описывал начало правления Лжедмитрия I: «Молодой человек, роста ниже среднего, некрасивый, рыжеватый, неловкий, с грустно-задумчивым выражением лица, он в своей наружности вовсе не отражал своей духовной природы: богато одаренный, с бойким умом, легко разрешавшим в Боярской думе самые трудные вопросы, с живым, даже пылким темпераментом, в опасные минуты доводившим его храбрость до удалства, податливый на увлечения, он был мастер говорить, обнаруживал и довольно разнообразные знания.

Марина Мнишек.
«Русские достопримечательности»,
изд. А. Мартынова, М. 1883 г., т.1.

Он тотчас показал себя деятельным управителем, чуждался жестокости, сам вникал во все, каждый день бывал в Боярской думе, сам обучал ратных людей. Своим образом действий он приобрел широкую и сильную привязанность в народе, хотя в Москве кое-кто подозревал и открыто обличал его в самозванстве».

Поляки спешили «сесть» на российский престол, а потому уже осенью в Кракове состоялось бракосочетанием Марины Юрьевны Мнишек с новоизбранным Дмитрием-царем. Едва дождавшись окончания зимы 1605 – 1606 гг., Марина Мнишек, молодая супруга «русского царя», в мае торжественно въехала в Москву, где была коронована на царство и вторично обвенчана с Лжедмитрием. Оба эти обряда совершал московский патриарх Игнатий, хотя Марина не получила никакого разрешения на это от Папы Римского. Стремление стать московской царицей было у нее гораздо сильнее привязанности к католической церкви. В итоге, католичка оказалась увенчанной царской короной православного государства.

Анализируя переписку Марины Мнишек с Сигизмундом III, можно сделать достаточно однозначный вывод о том, что этой женщиной, кстати, оставившей свой след и в Дмитрове (об этом расскажем позже), руководили не обстоятельства, но, прежде всего, непомерное шляхетское высокомерие, неуемные жажда власти и честолюбие, заставившие ее уверовать в реальность своих претензий на Московский престол. В этом она – сродни таким великим и авантюристам, и властолюбцам, как Клеопатра или Мария Стюарт. Да и предметом ее притязаний была держава, уже в то время сопоставимая с Римской или Британской империями.

Так или иначе, все вышеперечисленное вкупе с неприятием православных традиций и бесцеремонной алчностью чужеземцев, наводнивших Москву, дополненные интригами Шуйских, Мстиславских и других боярских фамилий, привело к скорому падению Лжедмитрия I и Марины. В мае же ударили в набат и с криком – «Поляки бьют бояр и государя!» – толпа ворвалась в Кремль. Сгоряча перебили находившихся

Смутное время на Руси. Убийство Лжедмитрия, худ. К. Маковский, 1906 г.

Царь Василий IV Шуйский.
Неизвестн. художник, конец 18 в.
Музей-заповедник
«Дмитровский кремль»

в Кремле поляков, а заодно с ними и Лжедмитрия I. Так закончилась короткая царская жизнь первого самозванца, называвшего себя сначала князем Угличским и Дмитровским, а потом и царем всея России.

Через три дня с Лобного места на Красной площади новым царем «выкликнули» боярина Василия Ивановича Шуйского.

Желая укрепить свою власть и подстраховаться от появления нового Лжедмитрия, Шуйский решил на перенесение мощей убитого пятнадцать лет тому назад царевича Димитрия. Для освидетельствования останков сына Ивана Грозного и в целях исключения пересудов он выслал в Углич нескольких епископов и архимандритов, а также именитых бояр. По словам присутствовавших на церемонии открытия гроба именитых церковных и мирских сановников, «церковь наполнилась удивительным благоуханием, а тело князя Димитрия Ивановича оказалось совершенно нетленным».

Шуйский во все концы своего государства разослал грамоты о чудесном обретении мощей царевича и о перенесении их в Москву. Царевич мертв, его брэнное тело покоится с миром и почестями в Архангельском соборе Москвы.

Но страну по-прежнему будоражили слухи о спасении «царевича Димитрия». Народ не хотел верить в то, что последний из Рюриков, дитя, царский сын, не выжил. Царевич жив.

На юге началось массовое восстание под предводительством Ивана Болотникова. Летом 1606 г. Болотников во главе 10-тысячного войска пошел на Москву. Однако отряды Болотникова не смогли овладеть столицей. 2 декабря 1606 года в сражении под Коломенским царские войска разбили восставших. Над участниками крестьянско-дворянской смуты была учинена жестокая расправа, а самого же Болотникова сослали в Каргополь, где вскоре он был втайне ослеплен и утоплен.

До этого, когда мятежи в Северной земле стали принимать угрожающие размеры, Василий Шуйский решил, на всякий случай, разослать уцелевших в мае поляков в отдаленные города. Князя Константина Вишневецкого этапировали в Кострому, Стадницких к Белому Озеру, Мнишков - в Ярославль.

На протяжении двух лет о них ничего не было слышно, пока события, связанные с пришествием уже Лжедмитрия II, не вернули их на московскую политическую авансцену.

Рака с мощами царевича Димитрия
в Архангельском соборе
Московского Кремля

«ТУШИНСКИЙ ВОР»

Появление нового самозванца не заставило себя долго ждать.

– Слухи о спасении Лжедмитрия I, т. е. о втором самозванце, пошли с первых минут царствования Василия, когда второго Лжедмитрия еще не было и в заводе, – свидетельствует Ключевский. – Во имя этого призрака уже в 1606 г. поднялись против Василия Северская земля и заокские города с Путивлем, Тулой и Рязанью во главе.

На этот раз самозванец объявился в Стародубе летом 1607 г. О его происхождении мало что известно, но наиболее достоверной кажется версия, что им стал Дмитрий Нагой, сын стрельца из Стародуба. По другим сведениям, им был поповский сын Матвей Веревкин из Северской земли. По третьей версии – еврей Богданко, учитель детей у попа в Шклове.

В начале июня 1608 года войска Лжедмитрия II подошли к Москве, но, потерпев поражение у Химок и на Пресне, разбили лагерь в селе Тушино, отчего самозванец получил еще и прозвище «Тушинский вор». Столица оказалась в осаде. Часть московского боярства и знати переметнулась от Василия Шуйского к новому «царю», в Тушино начала действовать своя Боярская дума, приказы. По сути дела, в стране установилось двоевластие. Шуйский безвылазно сидел в Москве, а в Тушинском лагере заправляли польские гетманы. Отряды Самозванца, контролировавшие значительную территорию государства, совместно с поляками разоряли русские города и грабили население.

В августе того же года в помощь Лжедмитрию II на русскую территорию вторгся отряд под командованием усвятского старосты (старосты городка Усвяты, в 1580 – 1654 гг. находившегося в составе Речи Посполитой, ныне – административный центр Усвятского района Псковской области России, прим. ред.) Яна Петра Сапеги, оставившего впоследствии кровавый след в истории Дмитрова.

Войско Сапеги, кроме довольно многочисленных щитоносцев, состояло из двух рот гусар с 250 конными, из 570 пятигорцев (легкая литовская конница из черкесов, переселившихся в Великое княжество Литовское в 16 в., прим. ред.), 550 казаков, нескольких орудий и, наконец, из трех рот пехоты. Первая из них, названная по цвету своего знамени «голубой», насчитывала 100, а две остальные 250 человек так называемой «красной пехоты». Общая численность этого войска составляла 1370 конных и 350 пехотинцев.

Уже 25 августа он был под Вязьмой. В это же время из Ярославля, Вологды, Твери и других городов в сторону Москвы потянулись обозы со ссыльными поляками, которых Василий Шуйский обязался освободить и отпустить на родину в соответствии с договором об очередном продлении Ям-Запольного перемирия, подписанного 25 мая

Лжедмитрий II
Гравюра неизв. художника 19 в.

Ян Петр Сапега
Гравюра Хондеуса 17 в.

Атака польских гусар, с картины худ. Е. Месяжа «Кирхольм. 1605», 1969 г.

сроком на 3 года и 11 месяцев (с 20 июля 1608 года по 20 июня 1612 гг.). Среди них оказались низложенная царица Марина Мнишек и ее отец, сандомирский воевода Юрий Мнишек.

Однако, добраться до пределов Речи Посполитой Мнишкам было не суждено. В сентябре месяце, перехваченная отрядом тушинцев в окрестностях Царева Займища, Марина с отцом и свитой в сопровождении упомянутого выше Сапеги была доставлена в Тушино. Здесь, после недолгих колебаний, она признала в Лжедмитрии II своего «воскресшего» мужа и в очередной раз провозгласила себя «русской императрицей».

Тем временем в тушинском стане было принято решение о блокаде Москвы. В этой связи первостепенное значение представляло занятие дорог, идущих на север и восток, на Ярославль, Суздаль, Коломну и Рязань. Намерение покорить столицу голодом возникло, должно быть, в конце сентября того же года, и вскоре начались первые военные действия с этой целью. Прежде всего, намеревались отрезать всякое сообщение Москвы с севером, так как не малое значение имел Троицкий монастырь и иные крепости, доставлявшие Москве пищу из-за реки. Поэтому для «отнятия этой дороги» была послана значительная часть армии под начальством усвяцкого старосты. Это войско состояло из полков Сапеги, Стравинского, Виладовского, Микулинского и Лисовского, а именно: 2150 гусар, 570 пятигорцев, 7050 казаков и 350 пехоты. Лисовский вез с собой также «шесть орудий, хороших гранатных полукартаульных единорогов (гаубиц, приспособленных к стрельбе полукартаульными, т.е. полупудовыми бомбами, прим. ред.).

За две недели тушинцы под командой Я. Сапеги огненным смерчем пронесли несколько десятков километров на север от Москвы, захватив и опустошив Дмитров, Александрову Слободу, Переславль Залесский и Ростов. По словам летописца, поляки «город Дмитров взяли и огнем пожгли, а московскую силу и посадных людей, жен их и детей посекали и церкви божии осквернили, и престолы божии поколебали, и одеяние с них пограбили, и с икон оклады сдирали, иконы метали, и книги пограбили, и церкви пожгли».

В Ростове сапежинцами был взят в плен митрополит Филарет Романов (отец будущего царя Михаила Романова), которого затем привезли в Тушино и провозгласили патриархом.

Патриарх Филарет, худ. Н.Л. Тютрюмов, ок. 1877 г.

23 сентября 1608 года Сапега расположился у Троице-Сергиева монастыря, а 1 октября приступил непосредственно к осаде обители, которая продлилась 16 месяцев.

Именно на этот период приходится еще одно упоминание о Дмитрове. Так в дневниковых записках Авраама Рожнятовского из свиты Юрия Мнишека о его возвращении из ярославской ссылки в ноябре 1608 года мы читаем:

«26-го, дав знать о себе пану Сапеге, гетману над теми, что стояли под св. Троицей, мы шли к лагерю; на расстоянии полумили от него нас приветствовал сам гетман; очень многие выезжали нам навстречу. Невозможно передать, как мы радовались и ликовали. По приходе в лагерь, они распределили нас между собой и приютили у себя, предоставив все удобства. 27-го москвичи по обыкновению сделали бесчестную вылазку; они, уже наметив на площади цель, подпустили к стенам наших воинов на расстояние выстрела. Мы охотно выезжали на стычки, но они были бесполезны: москвичи тотчас же изменнически скрывались в окопах, откуда часто вредили нашим, стреляя из мушкетов. И в этот день они двоих подстрелили, а одного схватили, когда он подступил к самой стене. С их же стороны осталось на поле 20 человек убитыми.

28-го во время стычки легко ранен товарищ со слугой и убито 8 москвичей.

29-го посылали с переговорами, но напрасно. 30-го мы выехали из этого лагеря в более обширный под Москвой; ехали с предосторожностями, боясь преследования из одного монастыря, мимо которого лежал наш путь; пугали нас также татарами. Но, по милости Божией, в этот день с нами не случилось ничего дурного, и мы благополучно пришли на ночлег в Дмитров, верст 20. **Этот город прежде был большим поселением, о чем свидетельствуют до сих пор сохранившиеся большие застроенные площади; но теперь все было сожжено и сильно опустошено».**

Осада Троице-Сергиевой лавры, худ. В.П. Верещагин, 1891 г.

КНЯЗЬ МИХАИЛ СКОПИН-ШУЙСКИЙ

Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский
Худ. С.Ф. Ушаков, парсуна, ок. 1630 г.

Генерал Якоб Понтус Делагарди
Гравюра Й. Фалька, 1652 г.

В начале 1609 года царь Василий Иванович был вынужден обратиться за военной помощью к Швеции. Для сбора войск он отправил в северные земли своего племянника, князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского. 28 февраля 1609 г. князь Михаил заключил в Выборге военный договор со шведами. По условиям договора в обмен на город Корелы с уездом Швеция обязалась прислать 15-тысячное войско. Однако командующий вспомогательным корпусом генерал Якоб Понтус Делагарди привел в апреле под Новгород от 5 до 7 тысяч наемников.

С мая по июль объединенные русско-шведские войска прошли от Новгорода до Твери, по пути нанеся поражения отрядам Я. Кернозюцкого под Старой Руссой и А. Зборовского под Торжком.

10–13 июля состоялось сражение под Тверью, в ходе которого тушинцы были разгромлены и рассеяны. Некоторые из них укрылись в самой Твери, другие бежали под Тушино. Поляки отступили к Дмитрову. Из-под Твери Скопин-Шуйский вынужден был уйти к Калязинскому монастырю: среди шведов начался бунт, большая часть наемников ушла к Торжку, в результате чего у Я.П. Делагарди осталось чуть более 1200 солдат.

В калязинском лагере князь Михаил простоял до начала сентября, активно занимаясь боевой подготовкой своих войск. По словам Юхана Видекинда, «у него там ни дня не проходило даром: московитских воинов, имевших хорошее вооружение, но пока необученных и неопытных, он в лагерной обстановке заставлял делать упражнения по бельгийскому способу: учил в походе и в строю соблюдать ряды на установленных равных расстояниях, направлять, как должно, копья, действовать мечом, стрелять и беречься выстрелов; показывал, как надо наводить орудия и всходить на вал».

18 – 19 августа его отрядам удалось отбить очередной наскок тушинцев. А уже 6 сентября войско Скопина-Шуйского освободило Переславль Залесский. Затем князь Михаил

двинул свои войска на Александрову Слободу, которую занял к 19 ноября. Этим маневром он отрезал Сапегу, осаждавшего Троицу, от Лисовского в Суздале, прорвав, таким образом, блокаду Москвы, куда из волжских городов немедленно направились многочисленные обозы с хлебом.

Молодой, 23-летний князь проявил себя в то время незаурядным стратегом, тактиком и военным организатором. С несвойственной его возрасту осторожностью и

осмотрительностью он избегал открытых столкновений с крупными польскими отрядами, где у него, пусть и многочисленного, войска было мало шансов на успех. Активно сочетал применение «гуляй-городов» с возведением полевых укреплений-острожков, чем сумел минимизировать эффективность главной ударной мощи поляков – кавалерии. Действуя небольшими мобильными отрядами, перерезал коммуникации интервентов, перехватывая подкрепления и фуражиров, нарушал снабжение, постепенно вытеснял их с занятой территории. А с наступлением холодов и снегов князь Михаил поставил свою пехоту на лыжи, что повысило ее мобильность и маневренность до уровня кавалерии, а, порой, и выше.

Гуляй-город. Рис. изд. Е.А. Разин, История военного искусства, СПб 1994 г.

Гуляй-город, гуляй-городок, иногда град-обоз – передвижное (мобильное) полевое укрепление в XV – XVIII веках. Представлял собой комплекс прочных телег, оснащенных большими щитами. При необходимости из таких телег можно было составить своеобразную крепость нужной формы. Прочные щиты обеспечивали защиту от легкого стрелкового оружия, а вся конструкция помогала отразить атаку противника (в особенности это было актуально для отражения атак тяжелой рыцарской конницы, которой пехота – до появления огнестрельного оружия – могла успешно противостоять лишь в отдельных случаях). Командовал гуляй-городом в рати назначенный воевода – гулявый воевода.

Русский гуляй-город изготавливался из деревянных щитов, сделанных из толстых дубовых досок, перевозимых град-обозом. Во время боевых действий щиты устанавливались на телеги (в зимнее время на сани), скреплялись друг с другом крючьями и петлями и разворачивались в прямую линию, круг или полукруг. Между щитами оставлялись промежутки около трех метров для отхода войск под их защиту. В щитах имелись бойницы для пищалей или пушек малых калибров. Гуляй-город применялся как при обороне, так и при наступлении. Иногда гуляй-город мог представлять собой отдельные подвижные опорные пункты, взаимодействующие между собой. Используя его подвижность, можно было подобраться на близкое расстояние к неприятелю, а в случае опасности укрыться за его стенами. Из щитов могли создаваться острожки (временные укрепления).

Действуя таким образом, 29 ноября ратники Скопина-Шуйского отразили в сражении под Александровой Слободой мощную атаку объединенных тушинских отрядов.

Все это привело к тому, что практически отрезанный от Тушинского лагеря Я.П. Сапега окончательно разуверился в успехе дальнейшей осады Троице-Сергиева монастыря. 12 января 1610 года он увел свои войска в Дмитров, где помимо небольшого гарнизона находились его провиантские склады.

Со вступлением князя Михаила в Троицу для ее защитников закончилась героическая и трагическая 16-месячная эпопея. 7 февраля Скопин-Шуйский переносит свою ставку в недавно сооруженный лагерь у деревни Шапилово неподалеку от Хотьково.

15 февраля Сапега совершил вылазку и попытался атаковать русский лагерь. Но его солдаты, увидев мощь оборонительных сооружений и многочисленность их защитников, предпочли ретироваться в Дмитров.

Поход князя М.В. Скопина-Шуйского от Калязина к Троице-Сергиеву монастырю и Дмитрову

ПОСЛЕДНИЙ ТРИУМФ МАРИНЫ МНИШЕК

Как упоминалось ранее, в Тушинском лагере реальная власть принадлежала не Лжедмитрию II, а польским шляхтичам во главе с гетманом Рожинским. Уже в декабре 1608 года им была создана комиссия децемвиров (от лат. *decem viri* – десять мужей, коллегия из десяти человек, образованная для исполнения духовных или светских обязанностей в государстве, прим. ред.), установившая жесткий контроль над доходами и расходами «царика», а также резко ограничила права тушинских боярской думы, воевод и приказов. Еще хуже дела у самозванца пошли в 1609 году, когда после серии неудач Кернозицкого, Зборовского и Сапеги в Тушино начался полный разброд.

В Смутное время. Лагерь самозванца. Худ. С. Иванов

В сентябре этого же года король Сигизмунд III вторгся в Московию и осадил Смоленск. Уже оттуда он начал засылать к тушинцам гонцов с призывами идти к нему на службу и щедрыми посулами богатств, как из московской казны, так и в Речи Посполитой. От этого положение тушинского вора стало совсем незавидным.

27 декабря Лжедмитрий спросил у Рожинского, о чем идут у них переговоры с королевскими эмиссарами. На что пьяный гетман безо всякого почтения ответил, мол, не твое это дело. Более того, грозился «царику» побоями. Не став искушать судьбу, не предупредив «царицу» Марину Мнишек, Лжедмитрий тем же вечером переоделся в крестьянское платье и в навозных санях сбежал со своим шутом Кошелевым в Калугу.

Оставшаяся в Тушине Марина тщетно отправляла во все стороны письма с просьбой о помощи и ходила с распущенными волосами по палаткам воинов, убеждая их принять сторону Вора; наконец, она решила бежать. 11 февраля 1610 года, переодевшись гусаром, в сопровождении служанки и нескольких сотен донцов Марина покинула Тушино, оставя письмо к войску, в котором горько жаловалась на свою судьбу, но говорила, что не отступит от своих прав на Московское Государство, почему поневоле должна ехать к мужу.

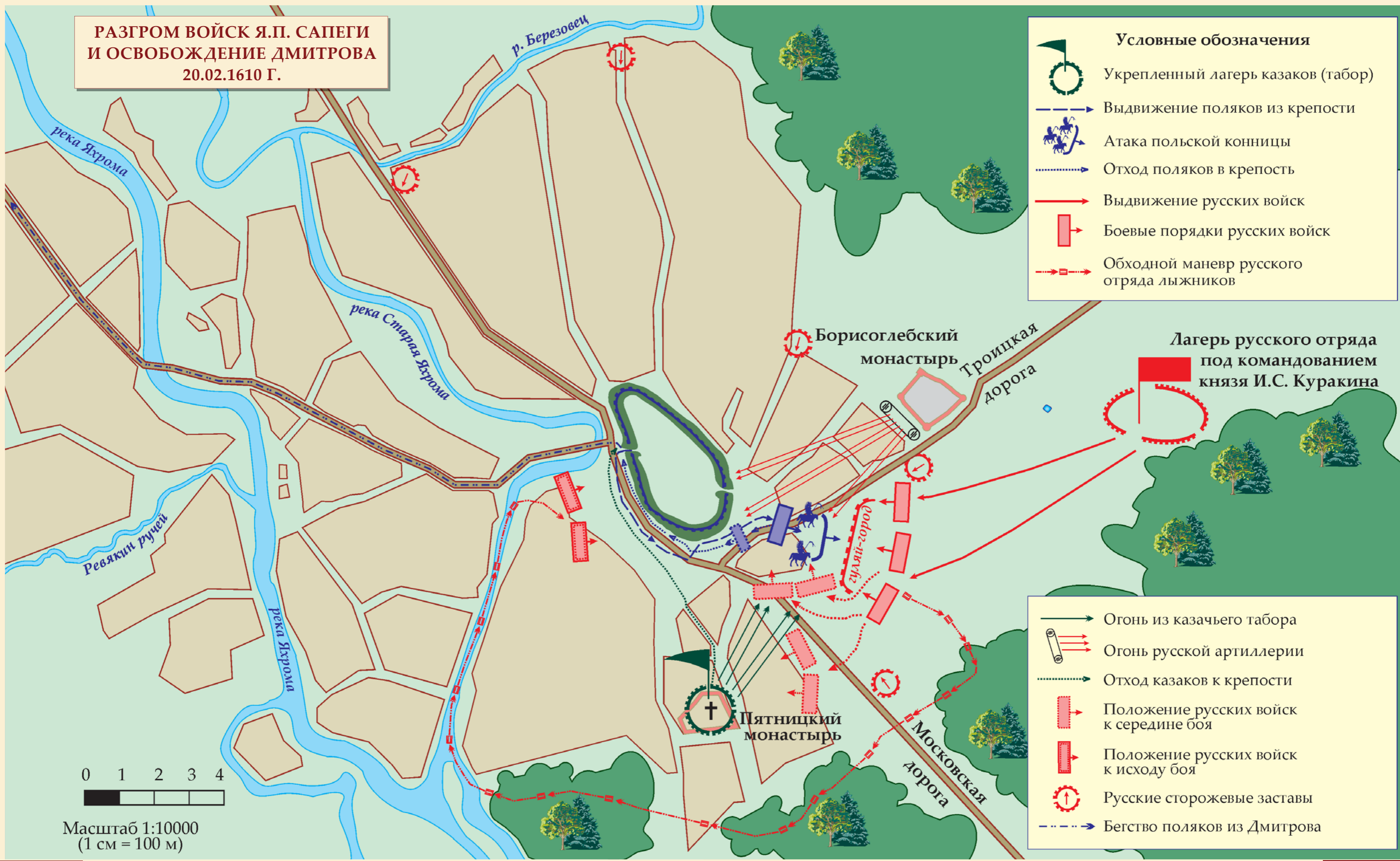
Однако она попала не к мужу, а очутилась у Сапеги в Дмитрове, куда он перешел, вынужденный князем Михаилом Васильевичем Скопиным снять 12 января, после шестнадцати месяцев, осаду Троице-Сергиевской лавры. По-видимому, Марина была не прочь соединить свою судьбу с усвятским старостой, «не забывавшим», по словам Валишевского, «даже в пьяном виде, величать «государыней» свою прекрасную подругу»...

В Дмитрове Марина пробыла, по разным сведениям, от недели до двух.

П.Я. Сапега расположился со своими войсками в Дмитровском кремле и, частично, в остроге перед валом. Уже разграбленный к этому времени Успенский собор поляки использовали как казарму, цейхгауз и, при случае, как каменное укрытие при обстреле.

Сапега некоторое время пытался склонить Марину к отъезду в Польшу, к отцу, но получил категорический отказ. Более того, она пообещала усвятскому старосте, что

**РАЗГРОМ ВОЙСК Я.П. САПЕГИ И ОСВОБОЖДЕНИЕ ДМИТРОВА
20.02.1610 Г.**

Условные обозначения

	Укрепленный лагерь казаков (табор)
	Выдвижение поляков из крепости
	Атака польской конницы
	Отход поляков в крепость
	Выдвижение русских войск
	Боевые порядки русских войск
	Обходной маневр русского отряда лыжников

Лагерь русского отряда под командованием князя И.С. Куракина

	Огонь из казачьего табора
	Огонь русской артиллерии
	Отход казаков к крепости
	Положение русских войск к середине боя
	Положение русских войск к исходу боя
	Русские сторожевые заставы
	Бегство поляков из Дмитрова

со своими казаками даст ему битву, если тот будет ей препятствовать. Но последующие события заставили их забыть о распрях.

18 февраля М.В. Скопин-Шуйский выслал к Дмитрову четырехтысячный отряд лыжников под командованием князя И.С. Куракина. К вечеру того же дня куракинцы разбили укрепленный лагерь неподалеку от Борисоглебского монастыря.

Утром 20 февраля Сапега вывел из города свои войска и попытался сходу опрокинуть уже выстроившихся в боевой порядок русских ратников. Однако, не успели поляки войти в соприкосновение с ними, как во фланг по вязнущей в глубоком снегу шляхетской коннице и пехоте ударили русские пушки, развернутые на холме прямо перед Борисоглебским монастырем. После этого хваленая польская кавалерия напоролась на рогатки и гуляй-город русских и заметалась перед ними, выкашиваемая ружейным огнем из-за укрытий. Закованные в броню, неповоротливые польские гусары ничего не могли сделать с юркими лыжниками, которые, выскакивая из-за щитов, крючьями стаскивали шляхтичей с коней и либо добивали их на месте, либо затаскивали за щиты. Не лучше чувствовала себя и утопавшая в сугробах польская пехота.

Затем русская артиллерия перенесла свой огонь на посад и непосредственно на кремль, затрудняя полякам маневр к отступлению.

Тем временем левофланговая колонна куракинцев вышла на южную окраину Дмитрова. Еще немного, и Сапега оказался бы отрезанным от крепости. От неминуемой гибели его спасли казаки, засевшие в укрепленном лагере-таборе у Московской дороги в версте к югу от города (в районе нынешнего парка «Березовая роща», прим. ред.). Отчаянно отстреливаясь, они сумели задержать дальнейшее продвижение наступающей колонны и прикрыли отход поляков к Никольским воротам кремля.

Видя это, князь Куракин отправил около трех сотен лыжников в обход казачьего табора. Продвигаясь по замерзшему руслу Яхромы, они сумели выйти непосредственно к крепости. Казаки попросту прозевали этот маневр и под угрозой попасть в полное окружение, были вынуждены, отстреливаясь, отходить к валу. Неся тяжелые потери, им удалось прорваться к Никольским воротам и затвориться в крепости вместе с остатками отряда Сапеги.

Деморализованные таким разгромом, сапежинцы весьма вяло отстреливались из-за крепостных стен, видимо, уже смирившись с неминуемой сдачей или гибелью.

Тогда к валу подбежала одетая в красный бархатный гусарский кафтан Марина Мнишек и, размахивая саблей, закричала на них: «Что выделаете, негодяи! Я - женщина, а не потеряла духа!» Пристыженные и вдохновленные таким образом поляки и казаки с утроенным ожесточением принялись отстреливаться, не позволив наступающим сходу ворваться в крепость.

Поход московитян. Худ. С. Иванов 1903г.

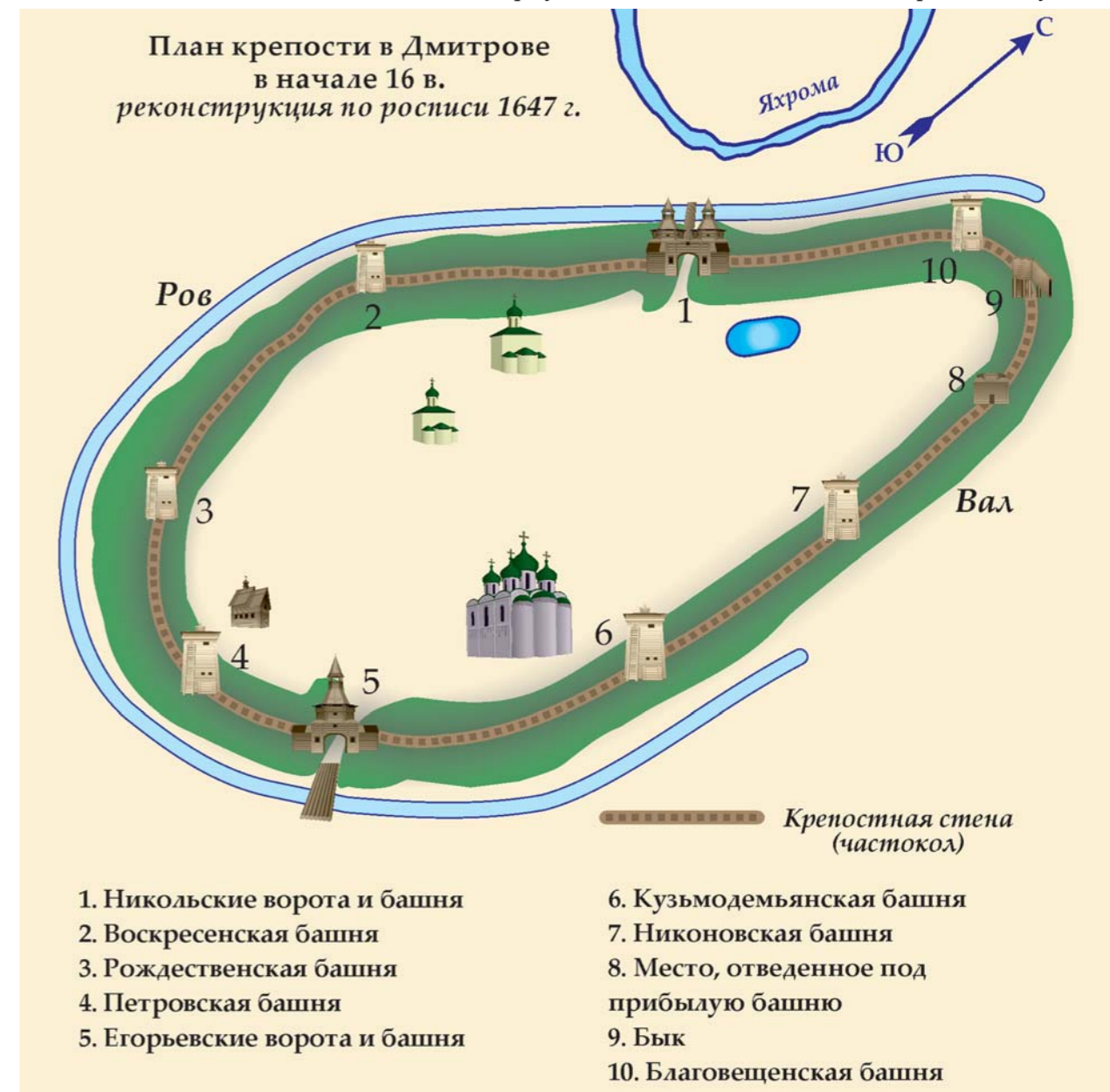

Штурмовать кремль князь Куракин не стал.

Во-первых, шведы, удовлетворенные захватом и разгромом богатого казачьего лагеря, решили, что на этом их миссия выполнена, и ушли в шапиловский лагерь.

Во-вторых, уже темнело, и князь осознавал, что в таких условиях штурм чреват серьезными потерями. Ведь даже в таком состоянии Дмитровский кремль оставался весьма серьезным очагом сопротивления: высокий вал, опоясанный рвом, крепкая, пусть и деревянная, ограда, около десятка башен. Кроме того, в кремле было достаточно много пушек. Правда, подавляющее большинство из них были малокалиберными, времен князя Георгия (Юрия) Ивановича. Но стреляли они вполне исправно.

В конечном итоге, верный тактике Скопина-Шуйского, И.С. Куракин, расставив несколько застав в снежных крепостях, увел свои войска к Шапилову, предоставляя возможность полякам оставаться на верную погибель в сожженном городе или уйти.

Из отписки устюжского воеводы Стрешнева верхотурским воеводам Годунову и Плещееву о взятии Дмитрова и победе над Сапегой от 2 марта 1610 года мы узнаем, что «февраля в 27 день приехал к ним, на Вологду, из полков, от Государевых бояр и воевод от князя Михаила Васильевича Шуйского со товарищи, ратной человек Шумилко Иванов и сказывал им: был де он Шумилко в полках, с Государевыми боярами и воеводами, с князем Борисом Михайловичем Лыковым да с Давыдом Жеребцовым под Дмитровом, а с ними Государевы Русские люди и Немцы; и ко

Дмитрову приступали в масленое заговейно, и назавтра, в понедельник, Государевы люди острог взяли приступом, и воровских и Литовских людей побили, и в остроге взяли восемь пушек; а с достальными де не со многими людьми Сапега и с воровскою женою с Маринкою, с Сандомирского дочерью, заперся в осыпи и Государевы де воеводы князь Борис Михайлович Лыков со товарищи и с ратными людьми, прося у Бога милости под осыпью промышляют».

Через несколько дней Марина Мнишек, видя бедственное положение Сапег, в сопровождении небольшого эскорта покинула усвятского старосту.

По пути в Осипов (*Иосифо-Волоцкий монастырь, прим. ред.*) она встретила своего брата Станислава, который как раз в это время выехал вместе с ее придворными дамами из Тушина, направляясь в королевский лагерь под Смоленск. Кажется, что саночный староста (*Станислав, староста г. Санок, ныне Подкарпатское воеводство Польши, прим. ред.*) старался склонить сестру к разрыву с Самозванцем, и что по этому поводу он лишь тогда узнал от нее, что она «обвенчалась с этим проходимцем, который узурпировал себе имя Димитриево». Но убеждения Станислава не достигли желаемой цели. Они скоро расстались. Мнишек отправился под Смоленск, а Марина, «взяв с собой старую пани Казановскую», поехала в Калугу». Ехала опять в мужском платье, попеременно то в санях, то верхом.

В Калуге она с большим почетом была встречена Лжедмитрием II и местными жителями. Марина Мнишек вновь (и в последний раз) ощутила себя «русской царицей».

Недолго задержался в Дмитрове и пан Сапега.

Ко времени его отхода из-под Троицы Дмитровская, Ярославская и Суздальская дороги были уже перерезаны. Так что никакого снабжения из Тушинского лагеря он получать не мог. Лишь через несколько дней после памятного боя 20 февраля к Дмитрову сумел пробиться с небольшим обозом с порохом и пулями полковник Н. Мархоцкий. Причем он едва не столкнулся с лыжной разведкой Скопина-Шуйского. «Рассвет застал нас в двух милях от Дмитрова. Там набрели мы на другой след, – это только что перед нами за пригорок перевалило на лыжах несколько сотен пехотинцев. Они вышли на рассвете из своего обоза осмотреть дороги – не проходили ли в крепость люди. Там разминулись мы с конницей, здесь – с пехотой; было о чем подумать. А тем временем послал Господь Бог такой густой туман, что мы друг друга едва могли разглядеть. Так, в тумане, мы вошли в крепость, доставили порох и пули».

Но больше оставаться в городе Сапега уже не мог. Навьючив на лошадей почти все пушки, он приказал заклепать тяжелые орудия, которые не мог увезти с собой, взорвать крепостные башни, поджечь ограду и все деревянные постройки в крепости. Ранним утром 27 февраля усвятский староста бежал с остатками своего отряда из Дмитрова по единственной остававшейся (или намеренно оставленной) Рогачевской дороге к Клину, а затем к Иосифо-Волоцкому монастырю.

По-иному описываются эти события в других источниках. Во всяком случае, все произошедшее на протяжении полутора месяцев уместится в нескольких строках. Так М.Н. Тихомиров посвятил описываемому периоду всего пару абзацев: «После неудачной осады Троицкого монастыря Сапега с казацкими и польскими отрядами отступил к Дмитрову. За ними шел с войском московский воевода Скопин-Шуйский, который напал на неукрепленный посад Дмитрова и на лагерь донских казаков и овладел ими. Потом Скопин-Шуйский подступил к центру Дмитрова, крепости, где засели поляки. Сапега, видя, что помощи нет, «зажег крепость, разбил орудия и ушел во Ржев».

Русские повести рисуют дело несколько иначе, но картина разорения Дмитрова только усиливается: москвичи преследуют поляков от Троицы до самого Дмитрова «и на стены грацкие восходят, и хоругви (знамена) простирают, и елико в нем обретают людей, и тако мечем всех погубляют». Город потерпел страшный разгром от московского воинства, тем более, что это был уж второй разгром: первый нанесли Дмитрову поляки».

12 марта 1610 года Михаил Васильевич Скопин-Шуйский торжественно вступил со своими войсками в Москву.

НА КРАЮ ПРОПАСТИ

Однако эйфория от этой победы продлилась недолго.

По Московии, терзаемой с юга набегами ногайцев и татар, изъязвленной очагами бунтов и мятежей, все так же рыскали никому не подчиняющиеся отряды иноземных наемников, казаков и мародеров. В Калуге по-прежнему сидел Лжедмитрий II.

9 сентября 1609 года, как упоминалось ранее, польский король Сигизмунд III под предлогом освобождения захваченных в Москве в 1606 году поляков, а также в ответ на заключение в феврале 1609 года Выборгского русско-шведского соглашения вторгся с тридцатитысячной армией в пределы Московского государства. 19 сентября был осажден Смоленск.

Однако первоначальный расчет на быструю сдачу крепости не оправдался. Под началом воеводы М.Б. Шеина, созданная в 1586 – 1602 гг. зодчим Федором Конем крепость на 20 месяцев сковала главные силы королевской армии и не позволила полякам утвердиться в Москве или в других областях государства. Поэтому деблокада Смоленска стала на то время для Москвы первоочередной задачей.

Но 23 апреля 1610 г. в столице неожиданно умирает отравленный, по слухам, родней царя Василия недавний триумфатор Михаил Скопин-Шуйский. Скоропостижная смерть князя Михаила породила в его войсках страшное уныние. Поход на Смоленск изначально был обречен на неудачу.

В начале июня объединенное русско-шведское войско князя Д.И. Шуйского и Делагарди выступило из Москвы. Под Можайском к нему присоединились отряды князей Хованского и Борятинского, а также шведа Эверта Горна.

Навстречу им от Смоленска выдвинулся польный коронный гетман С. Жолкевский с восьмитысячным отрядом. 24 июня он блокировал под Царевым Займищем отряд воеводы Г. Валуева и князя Ф. Елецкого.

4 июля у деревни Клушино в 20 км к северу от Гжатска (*ныне – г. Гагарин Смоленской обл., прим. ред.*) состоялось сражение, в ходе которого было наголову разбито 35-тысячное войско Д. Шуйского и Я.П. Делагарди. Шуйский бежал к Можайску, а Делагарди с Горном сумели выторговать у поляков почетную капитуляцию и ушли со своими отрядами через Торжок к Новгороду.

С этого момента Смоленск был обречен. Однако почти год после этого город не сдавался, отбивая многочисленные приступы неприятеля, ведя непрерывную контрминную борьбу. И только в ночь на 3 июля 1611 года в ходе последнего, самого ожесточенного, штурма, когда в строю оставалось не более 200 защитников, физически не способных защищать все 6 верст доселе неприступных стен, Смоленск пал.

К началу 1610 года авторитет власти царя Василия упал настолько, что оставаться на престоле ему удавалось, в основном, благодаря поддержке патриарха Гермогена и рязанского воеводы Прокопия Ляпунова с северскими и рязанскими дворянами.

Еще 4 февраля этого года «тушинские» бояре заключили тайный договор с королем Сигизмундом о призвании на русский престол королевича Владислава и унии двух государств. Поэтому низложение Василия Шуйского стало лишь вопросом времени.

Портрет гетмана Станислава Жолкевского. Неизв. худ., 1618 г.

Предсмертный подвиг князя М.К. Волконского, сражающегося с ляхами в Пафнютьевском монастыре в Боровске в 1610 году. Худ. В.К. Демидов, 1842 г.

В июле Лжедмитрий II совместно с гетманом Я. П. Сапегой предпринял свой последний поход на Москву. 5 июля войска Самозванца после ожесточенного штурма захватили Пафнютьев-Боровский монастырь и устроили там кровавую резню: воевода князь Михаил Никитич Волконский был убит прямо возле раки с мощами преподобного Пафнутия. Погиб и переведенный на покой в эту обитель бывший настоятель Троице-Сергиева монастыря (в период его обороны 1608 – 1610 гг.) архимандрит Иоасаф.

Через неделю «калужский (ранее – тушинский) вор» оказался под стенами Москвы. 17 июля стихийный Земский собор «свел с престола» царя Василия Шуйского, он был пострижен в монахи. К власти пришла Семибоярщина – из князей Ф.И. Мстиславского, И.Н. Воротынского, А.В. Трубецкого, А. В. Голицына и Б.Н. Лыкова и бояр И.Н. Романова и Ф.И. Шереметева. Чтобы не допустить мятежа в Москве в пользу Лжедмитрия II или кого-либо из московской знати, бояре поспешили заключить договор с гетманом С. Жолкевским о призвании на московский престол королевича Владислава и впустить в столицу коронные войска.

1 октября поляки вошли в Москву, оставили в столице свой гарнизон и наместника велижского старосту Александра Гонсевского. Через несколько дней Жолкевский отправился в Смоленск к Сигизмунду с богатыми трофеями и пленным русским царем Василием и его братом Дмитрием. Они были представлены королю и Сейму, принужденные ползть у ног польского монарха.

Гонсевский в Москве также не терял зря времени: он ввел немецкий отряд в Кремль, арестовал некоторых бояр, отстранил Семибоярщину от руководства, и, по сути, захватил власть в стране.

Таким образом, де-юре оказавшись протекторатом Речи Посполитой, со столицей, оккупированной иноземными войсками, Московия де-факто разваливалась на полуавтономии, практически лишённые централизованного управления. Исчезновение Московской Руси как субъекта истории, государственности и православия казалось почти неминуемым.

СОПРОТИВЛЕНИЕ И ВОЗРОЖДЕНИЕ

В условиях устранения Семибоярщины и отсутствия легитимной самодержавной власти главной фигурой на московской политической сцене становится глава Русской православной церкви патриарх Гермоген. Ровесник Ивана Грозного, в то время он был уже глубоким старцем.

Изначально патриарх предлагал в качестве альтернативы королевичу Владиславу кандидатуру Михаила Федоровича Романова. Затем обязательным условием он поставил венчание Владислава на царство и переход его в православие, запретив москвичам присягать самому Сигизмунду III.

Уже в конце декабря 1610 года Гермоген рассылает по городам грамоты с призывом к восстанию и освобождению Москвы от поляков. Война теперь приобретала религиозный смысл, вид всенародного восстания во имя защиты истинной веры и спасения православного государства.

Надо отметить, что после смерти Лжедмитрия II почти все города, ранее поддерживавшие его, присягнули Владиславу, в том числе и Калуга, во главе с князем Д.Т. Трубецким. Поначалу под этой присягой подписался в Туле и казачий атаман «боярин» И. М. Заруцкий, к тому времени – главный защитник в очередной раз овдовевшей «царицы» Марины Мнишек. Ему так и не удалось склонить своих соратников принести клятву на верность родившемуся сыну Мнишек и Лжедмитрия – Ивану «Дмитриевичу». Однако уже в январе – марте 1611 года начало формироваться 1-ое Земское ополчение, во главе которого встал Прокопий Ляпунов. Он заявил о непризнании власти Сигизмунда III и начал изгонять из рязанских пределов сторонников Владислава и Семибоярщины.

В марте к Москве двинулись отряды из Рязани и северских городов, из Калуги – бывшие «тушинцы» и казаки Заруцкого, а также рати из Шацка, Мурома, Суздаля и Владимира, Романова, Нижнего Новгорода, Костромы, Галича и Ярославля.

Еще до их подхода в Москву для подготовки восстания тайно проникли ратники и воеводы с князем Дмитрием Михайловичем Пожарским.

19 марта 1611 года в результате кровопролитной ссоры польских солдат с извозчиками на рынке в Китай-городе вспыхнуло всеобщее восстание. Плохо обученные и вооруженные горожане не могли долго противостоять мушкетерам полковника Борковского. На следующий день поляки подожгли деревянные строения Москвы. Огонь уничтожил Замоскворечье, Белый город и вообще почти всю столицу. Пожар заставил повстанцев отступить.

Но 25 марта к столице подошла вся объединенная рать Земского ополчения (более 10 тысяч человек) и отогнала поляков в осаду за стены Белого города.

Вскоре ополченцами был создан Совет всея земли и земское правительство во главе с П.П. Ляпуновым, князем Д.Т. Трубецким и И.М. Заруцким. Формировались приказы и территориальные четверти по образцу прежней московской административной системы.

Однако вожди ополчения не смогли провести в жизнь принятые решения. Как только утихли бои, казаки снова взялись за разбой, грабеж окрестных сел, оказывали неповиновение властям.

Ляпунов попытался крутыми мерами привести казаков в повиновение, чем нажил среди них массу врагов. В конце концов, 22 июля вызванный для разбирательств на казачий круг Прокопий Ляпунов по наущению Заруцкого был убит.

С переходом всей власти к Заруцкому и Трубецкому в ополчении начались жестокие распри. Казаки стали открыто издеваться над дворянами и иными ратниками земских полков. Многие из них покинули таборы.

Заруцкий же начал открыто ратовать за утверждение на престоле сына Марины Мнишек. Узнав об этом, патриарх Гермоген в августе 1611 года отослал в Нижний

*Патриарх Гермоген отказывается подписывать грамоту о роспуске ополчения
Худ. П.И. Геллер, кон 19 – нач. 20 вв.*

Новгород грамоту, проклинающую «воренка», с категорическим запретом городам присягать ему. В итоге уже осенью в ополчении почти не осталось дворян, что привело к его фактическому распаду. А к концу сентября прибывшим к Москве отрядам гетманов Я.П. Сапеги и Я.К. Ходкевича удалось отбить Белый город, Красное село и Спасо-Андроньевский монастырь, отрезав остаткам ополчения дороги на юг и восток.

Тогда же в Ижорской земле объявился Лжедмитрий III, по одним сведениям – «Матюшка роздьякон», а по другим – «Сидорка», объявленный бывшими соратниками Лжедмитрия II спасшимся от смерти. Ему присягнули Ивангород, Гдов, Ям и Копорье. В декабре – Псков, а в мае 1612 года – Порхов. Однако в этом же месяце псковичи схватили Лжедмитрия III и отправили его в Москву. По разным сведениям, он был или убит по дороге, или казнен в столице.

Вскоре в Астрахани объявится Лжедмитрий IV, а концу 1612 года Московия будет просто наводнена лжегосударями и его лжеродственниками.

Именно в таких условиях начала вызревать идея второго Земского ополчения. Именно тогда на московской политической арене появляется торговый человек земский староста Нижнего Новгорода Козьма Минин.

Первое, с чего начал он – сбор казны для войска, для чего принимались не только добровольные пожертвования, но и был введен обязательный сбор с посадских людей, с уезда и с монастырей, а позже прибегли и к крупным принудительным займам у бояр и купцов.

Осенью 1611 года посланцы нижегородского «мира» нашли в селе Мугрееве Суздальского уезда лечившегося там от ран князя Д.М. Пожарского. «После долгих и обстоятельных переговоров Пожарский принял на себя обязанности военного руководителя ополчения, а в помощь ему по части сбора и расходования казны поставили опытного торгового человека – «выборного человека» Козьму Минина. Не последнюю роль в том, что стольник все же согласился с доводами нижегородского старосты, мог сыграть тот факт, что в Святом Крещении князь тоже был наречен Косьмой».

Основу первых отрядов второго ополчения составили нижегородские и смоленские служилые люди. Воеводы и окладчики сумели в короткий срок «сверстать» ратников по разрядам, наделив их внушительными штатными и единовременными выплатами. Это позволило обновить и допоставить вооружение и коней, дополнительно привлечь на службу многочисленных опытных воинов, утвердить дисциплину и благоприятный моральный климат в войске. От услуг западных наемников категорически отказались.

Воззвание Минина к нижегородцам в 1611 году. Худ. М.И. Песков, 1861 г.

Тем временем поляки ушли из-под Москвы: «сапежинцы» 27 октября – к Суздалью, Я.К. Ходкевич 4 ноября – к селу Рогачево, где учинил грабеж, а затем и кровавую бойню в Николо-Пешношском монастыре, в ходе которой были зверски убиты 18 монахов.

В середине февраля 1612 г. князь Д.П. Лопата-Пожарский выбил казаков Заруцкого из Ярославля, куда вскоре через Балахну, Юрьевец и Кострому торжественно вступили основные силы ополчения. Здесь ополчение остановилось на четыре месяца. За это время в Ярославле были созданы новые правительство и Совет всея земли, организованы приказы, сбор налогов, таможенных и других доходов. В города назначались новые воеводы и дьяки.

Одновременно с этим земские отряды освободили Суздаль, Пошехонье, Углич, Переславль-Залесский. Власть Второго ополчения постепенно признала большая часть крупных городов Центральной России. К лету силы ополчения достигли 20 тысяч человек.

26 июня, получив известие о подходе подкреплений из Литвы к гетману Ходкевичу, Пожарский двинул свои войска к столице.

В августе ополчение на несколько дней остановилось у Троицкого монастыря, чтобы ратники благословились у мощей преподобного Сергия.

20 августа Пожарский был уже у стен Москвы.

22 августа Ходкевич нанес удар от Новодевичьего монастыря к Кремлю по левому берегу Москвы-реки. Завязалось ожесточенное сражение, продлившееся двое суток и закончившееся полной победой ополченцев. Сидевшие в Кремле поляки были теперь обречены.

**Избиение старцев
Николо-Пешношского
монастыря польско-литовскими
захватчиками.**

*Рис. из рукописной летописи
Николо-Пешношской обители
иеромонаха Иеронима (Суханова)*

Изгнание польских интервентов из Московского Кремля. Худ. Э. Лиснер, 1908 г.

22 октября казаки и земские люди штурмом взяли Китай-город, и через 4 дня гарнизон Кремля капитулировал.

А в декабре 1612 г. в освобожденную столицу на Земский собор стали съезжаться представители сословий из разных городов России — всего более 700 человек. Надо было как можно быстрее избрать царя, чтобы покончить со Смутой.

Но только почти через месяц, получив согласие из всех областей, Собор наконец-то провозгласил царем 16-летнего сына митрополита Филарета Романова — Федора.

Пройдет еще несмало лет до того как Смута будет окончательно преодолена.

Минет больше шести лет, пока не вернутся из польского плена герой обороны Смоленска боярин Михаил Шеин и отец царя Михаила Федоровича, будущий патриарх Филарет.

Полтора года понадобится новой власти, чтобы покончить с И. Заруцким, не оставившим попыток посадить на престол «воренка», сына Марины Мнишек. Все закончится тем, что загнанный в 1614 году под Астрахань, а затем и на Яик (Урал) Заруцкий будет схвачен и казнен в Москве вместе с малолетним «воренком», а Марина Мнишек закончит свои дни в Коломне в одной из башен местного кремля.

Два года пройдут в борьбе с «воровскими» казаками З. Заруцкого и М. Баловнева.

Четыре года продлится война со шведами, закончившаяся для Московии подписанием крайне невыгодного Столбовского мира, в результате чего Россия почти на 100 лет потеряет выход к Балтике.

Еще пять лет продлится борьба с польскими интервентами, когда придется отбиваться от набегов гетманов А. Лисовского и П. Сагайдачного. Москва переживет еще одну осаду — на этот раз королевичем Владиславом. И все закончится опять-таки невыгодным Деулинским перемирием, по которому будут утрачены Смоленск, Белая, Дорогобуж, Рославль и северские земли.

Потом Россия, конечно же, все вернет. Но это — предмет уже другого повествования.

Для Дмитрова Смуты обернулась тем, что на многие десятилетия город погружается в разруху и запустение. От былой значимости и экономического благополучия не осталось и следа. И вернуть их уже не удастся никогда. А крепость Дмитровского кремля попросту перестала существовать. Теперь уже навсегда.

Ну а Дмитровский Успенский собор, устоявший в сече смутного времени, продолжит свою историю.

В 1624 г. в него будет выдан новый антиминос на освящение престола, и согласно тексту предания из Записной Книги собора, Романовы — патриарх Филарет Никитич и его сын царь Михаил Федорович — сделают памятный вклад в Успенский собор Дмитрова — три иконы редкого удивительного письма. Одна из них — во имя Архангела Михаила Грозных сил воеводы — и сейчас находится в местном ряду центрального иконостаса собора.

Записная книга Дмитровского Успенского собора сохранила свидетельство об освящении в 1624 г. при царе Михаиле Федоровиче, патриархе Филарете Никитиче и соборном протопопе Порфирии престола 8 августа (в день памяти епископа Емилиана Кизического). Об этом событии сообщалось в тексте на древнем антиминосе, покрывавшем каменный престол Успенского собора: «А старый в настоящей церкви соборной престол был каменный, на котором были две срачицы и на исподней надписано наподобие антиминоса на особенной холстине тако: Освятися сей алтарь во имя Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа Честного и Славного Ея успения Пречистыя Богородицы соборная церковь в Дмитрове граде при государе царе и великом князе Михайле Федоровиче московском и всея России и при великом государе кир патриархе Филарете Никитиче московском и всея России лета 7132 годе, месяца августа в 8 день на память святого отца нашего Емилиана епископа Кизического при протопопе Порфирии, индикта в 7 и в 1791 годе от рождества сему освящению исполнилось...». Антиминос 1624 г. был найден во время ремонта собора в 1790 г. при разборке престола.

Согласно другому свидетельству, записанному в 1887 г. протоиереем Дмитровского Успенского собора Николаем Рождественским (он ссылался на предание), в местном ряду иконостаса находятся иконы, вложенные царем Михаилом Федоровичем и патриархом Филаретом Никитичем: «...иконы в первом ярусе иконостаса по правую сторону - 1. Спасителя, 2. Успения Божией Матери, 3. Архистратига Михаила и по левую сторону - 4. Смоленской Божией Матери — вклады царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета Никитича. 1, 2, 4 — под серебряными вызолоченными ризами».

Из названных четырех икон три (Успение, Смоленская и архистратиг Михаил), по-прежнему, пребывают в местном ряду главного соборного иконостаса. Более того, из икон, относимых ко времени освящения собора в 1624 г., известно существование еще трех (находятся в МИАРе) — образа Богородицы Знамение (Воплощение), являвшейся средником в пророческом ряду, вмч. Димитрия Солунского и прп. Сергия Радонежского. В процессе реставрации и последующего изучения икон было высказано предположение, что над их созданием работали мастера-иконники из села Клементьева — вотчины Троице-Сергиевого монастыря.

Столь щедрый вклад первых лиц России в Дмитровский Успенский собор обусловлен, разумеется, несколькими причинами. Во-первых, вернувшийся в 1619 г. из польского плена митрополит Филарет, приняв сан патриарха, принялся за работу по возрождению порушенных храмов и по возобновлению служб в опустевших церквях. Длительное разорение Дмитрова, постигшее его в смутные времена, привело к крайнему обнищанию населения. Опись, произведенная в городе в 1624 г. Дмитрием

Царь Михаил Федорович Романов.

Неизвестн. художник, конец 18 в.
Музей-заповедник
«Дмитровский кремль»

Скуратовым и подьячим Постником Трофимовым, сообщает, что всего в Дмитрове (в валу и на посаде) восемь действующих церквей, четыре стоят без пения (закрыты), да от двадцати четырех церквей остались только пустые места церковные. На весь город только в трех дворах живут попы, а остальные тридцать четыре двора, принадлежавшие священникам и церковному причту, опустели. На сто семь жилых дворов в Дмитрове приходится девяносто девять заброшенных, нежилых. Но среди восьми церквей, в которых проходят службы, конечно, подразумевается и Успенский собор.

К сожалению, начало сотной выписи, в которой описывалась соборная церковь, утрачено. Мы только можем узнать, что среди торговых лавок в Дмитрове упоминается лавка с полком пречистенского сторожа Баженка Маврина, которую тот поставил в 7131 (1623) г., и лавка соборной церкви сторожа Васьки Яковлева сына Рудакова. Сторож Рудаков поставил лавку на купленном месте, прежде с нее платил оброка десять денег, а ныне ему положено платить – по четыре алтына в год. Эта прибавка в налоге свидетельствует о том, что экономическая жизнь, хотя бы у части дмитровских жителей, налаживалась – оживлялась торговля – значит, было чем торговать и на что покупать.

Но на восстановление церквей денег у прихожан не хватало. В лихие годы пропали или пришли в ветхость служебные одежды и книги. Известно, что царь Михаил Федорович в Успенский собор Дмитрова в 1623 г. пожаловал служебные Минеи на июнь и июль и рукописный церковный Устав.

Конечно, ставшая исторической фраза, высказанная некогда историком Николаем Карамзиным, что в Смутное время Дмитров снова пострадал за Москву и вместе с Москвой, наиболее емко выражает суть истории Дмитрова. А потому и восстанавливали его всегда сразу после Москвы или вместе с Москвой. Потому и вклады, сделанные царем и патриархом в Успенский собор, с одной стороны отражают их общее рвание о православной церкви, с другой – крайне символичны. В подтверждение последних слов остановимся более подробно на одной из икон, написанных к 1624 г.

*Дмитровский Успенский собор в 16 - 17 вв.
Реконструкция по рис. А. Васнецова нач. 20 в.*

ИКОНА «АРХАНГЕЛ МИХАИЛ ВОЕВОДА»

Икона (с неглубоким ковчегом) написана на трех липовых досках, скрепленных двумя врезными встречными шпонками. На тыльной стороне иконы сохранился полустертый знак, похожий на цифру 6, написанный черной краской. Боковые поля значительно уже верхнего и нижнего.

До реставрации 1975 – 76 гг. (с ремонта собора 1790-1791 гг.) золотой фон иконы был покрыт фигурным левкасом. Из него же были вылеплены на верхнем поле надпись «Образ грозных сил архистратиг Михаил» и кадилница в правой руке архангела (повторяющая красочное изображение). Поверх толстого слоя левкаса была положена позолота.

В результате реставрации икона была расчищена до авторского слоя. Были раскрыты: записанное поверху маслом изображение сатаны и надписи на полях.

На верхнем поле: «Небесного царя крепкий сильный страшный грозный воевода архистратиг Михаил предстает престолу величества всегда готов храбруя супостат и бояся и никогда не отлучаяся» – из Канона ангелу грозному воеводе. В правой части верхнего поля, мелко «Престол ... (далее буквы утрачены) ... царствия твоего» – (Пс. 44:7).

На нижнем поле: «Врагу оскудеша ото оружия вконец и грады разрушил еси и память его погибе с шумом» – строка из псалма Давида, над радугой – «лук облачный всех тварей есть завет» (Быт. 9:13-15).

На иконе представлен коронованный Архистратиг Михаил, скачущий (справа на лево) на красном крылатом коне. У архангела за спиной распахнуты красные крылья, такого же цвета – красного – у него власа, лицо и длани. Архангел трубит в трубу, возвещая о начале конца времен – наступлении Второго пришествия, и поднимает мертвых на Страшный суд.

От звука той трубы, согласно Откровению Иоанна Богослова, сотрясется вся земля. В одной руке у него воздето Евангелие, в другой он удерживает конские поводья, крест с орудиями страстей, кадило и копие. Копием архангел Михаил попирает поверженного сатану, брошенного под копыта его крылатого коня.

Там же, под копытами, внизу, в клубящейся пенной бездне, рушатся земные царства с городами, башнями и домами. Сатана изображен в виде крылатого двухголового льва с человеческим лицом, вторая голова (личина) – на животе.

В верхней части иконы – темный небосвод с золотыми звездами, солнцем и луной. В правой части темного небосвода, в сияющем медальоне – Спас Эммануил, поддерживаемый десницей. Пред ним престол с уготованными литургическими предметами – вином, хлебом, крестом и евангелием. Огненный архангел Михаил изображен на фоне золотой полусферы.

Между руками архангела переброшена радуга (лук облачный), а под ногами – облако.

(9:12 – 9:15) «И сказал Бог: вот знамение завета, который Я поставляю между Мною и между вами и между всякою душою живою, которая с вами, в роды навсегда.

Я полагаю радугу Мою в облаке, чтоб она была знамением завета между Мною и землею. И будет, когда Я наведу облако на землю, то явится радуга в облаке; и Я вспомню завет Мой, который между Мною и между вами и между всякою душою живою во всякой плоти; и не будет более вода потопом на истребление всякой плоти.

И будет радуга в облаке, и Я увижу ее, и вспомню завет вечный между Богом и между всякою душою живою во всякой плоти, которая на земле».

Реставрация иконы показала, что изначально радуга была написана охрой и синой, зеленой и черной красками по серебряной подложке. Из описей разных лет видно, что к 1767 г. икону украшал медный вызолоченный венец, смененный к 1821 году серебряным, так же вызолоченным.

Уникальность дмитровского образа архангела Михаила грозных сил воеводы заключена не только в том, что он создан по вкладу царя Михаила и патриарха Филарета в возрождаемый после Смуты главный храм Дмитрова, но и в том, что это самая ранняя из сохранившихся известных икон данной иконографии.

СЛОВО В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прошло более четырех веков со времен событий, описанных в этой книге. Все эти годы судьба Дмитрова была неразрывно связана с Москвой. С ней он прошел через все потрясения и испытания, выпавшие на долю нашего народа, нашей страны: наполеоновское нашествие 19-го века, революции прошлого века.

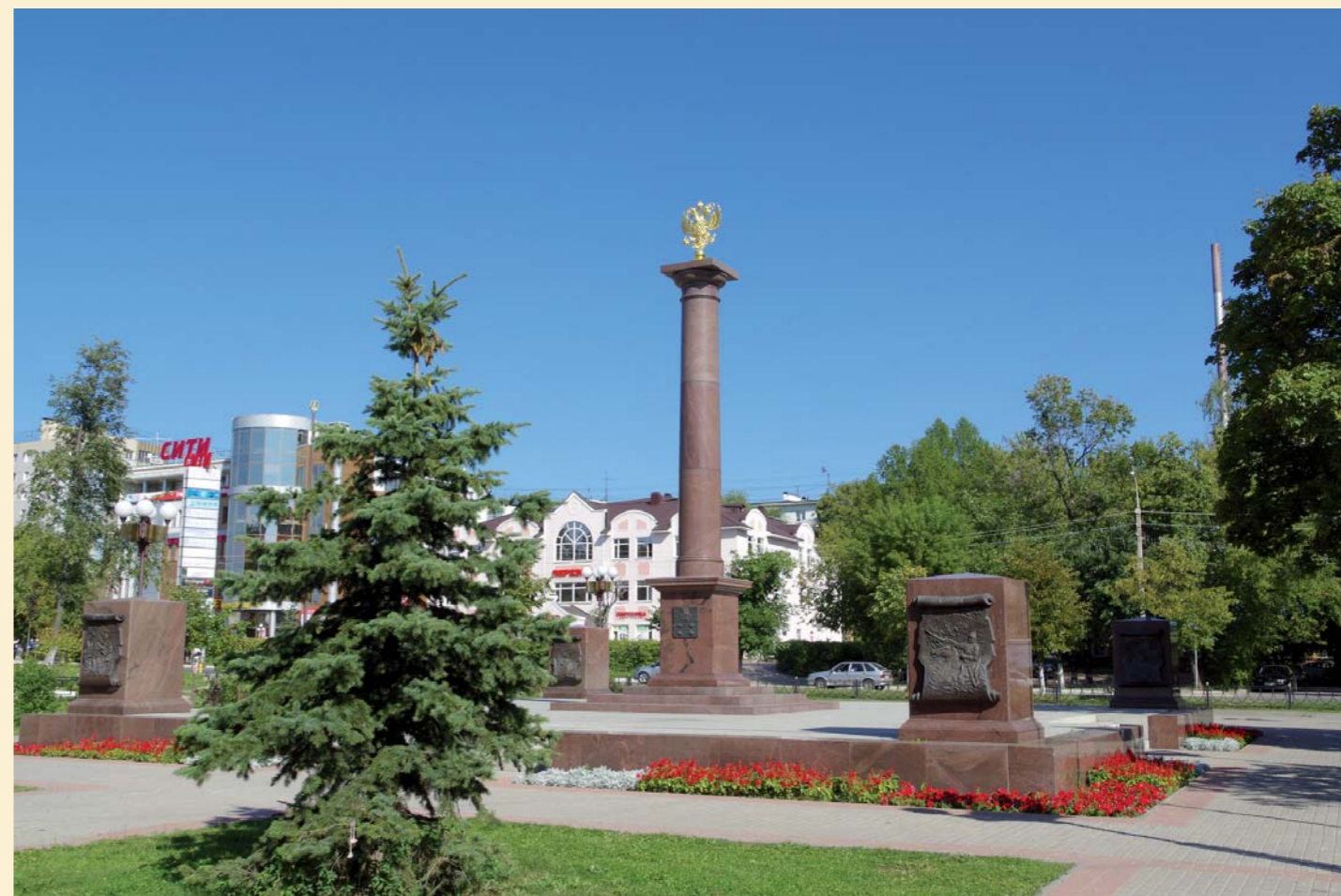
Именно так и случилось спустя три столетия после Смутного времени, во время Великой Отечественной войны, когда Дмитров защитил собой северные рубежи нашей столицы. В тексте гимна города Дмитрова есть такие слова:

*Как сестра и брат родимые,
Так Москва и Дмитров-град,
Сколько раз сестру любимую
Защищал собою брат.*

*Обгоревший да израненный,
Он вступал в неравный бой,
Чтоб гордиться белокаменной
Златоглавою Москвой.*

И в декабрьские дни 1941-го, словно лыжники Михаила Скопина-Шуйского, в схватку с рвущимися к Москве немецко-фашистскими захватчиками вступили лыжные батальоны 1-й Ударной Армии генерала В.И. Кузнецова. И снова враг был разбит и изгнан из пределов Дмитровской земли.

Не случайно эти события века 17-го и века 20-го воплощены в бронзовых барельефах, соседствующих на гранитных пилонах монумента «Город воинской славы», почетное звание которого Дмитров получил в 2008 году.

СЕРИЯ КНИГ «ЧИТАЙ И СМОТРИ»

Книга 1.
Аркадий Зюзин
«Непобежденный»

Книга 4.
Аркадий Зюзин
«На защите
Отечества»

Книга 7.
Ирина Пятилетова
«Странствия
русского пилигрима.
Святая Земля»

Книга 10.
Аркадий Зюзин
Николай Черкашин
«Бросая вызов
бездне»

Книга 13.
Николай Черкашин
«Глубины,
дельфины,
Галина...»

Книга 14.
Николай Черкашин
«Брестские врата»

Книга 17.
Николай Черкашин
«Герои К-19»

Книга 18.
Аркадий Зюзин
«Космические
инженеры»

Книга 19.
Аркадий Зюзин
«Семь зимних
дней под
Дмитровом»

Книга 20.
Аркадий Зюзин
«Комбат-батяня»

Книга 2.
«Священномученик
епископ Дмитровский
Серафим
(Звездинский)»

Книга 5.
Лариса Черкашина
«Александр Пушкин.
Тайны древа»

Книга 8.
Ирина Соловей
«Архангельское,
«что в бору»

Книга 11.
Ирина Пятилетова
«Анна из рода
Патрикеевых. (Иоанна
Дмитровская).»

Книга 15.
Аркадий Зюзин
«Четвертая рота»

Книга 3.
Аркадий Зюзин
«Первые в созвездии СУ»

Книга 6.
Аркадий Зюзин
«Притяжению земному
вопреки»

Книга 9.
Николай Черкашин
«Легендарный
Севастополь»

Книга 12.
Татьяна Мирошник,
Владимир Мирошник
«Минное поле»

Книга 16.
Татьяна Беляева
«Ирина и Ярослав.
Путь от любви
к святости»

Книга 21.
Аркадий Зюзин
«Дмитров в Смутное время»
Рекомендуем посмотреть!

Художественный сериал
«Годунов.» (2018 -2019 гг.)
Режиссеры Алексей Андрианов,
Тимур Алпатов
Производство Кинокомпания «Москино»,
Киноконцерн «Мосфильм»

Художественный фильм «Минин и Пожарский» (1939 г.)
Режиссеры Всеволод Пудовкин, Михаил Доллер
Производство Кинокомпания «Мосфильм»

Читай и смотри интернет-версию: kino-slovo.ru

© Образовательный проект «Берега»
Авторы проекта Ирина Дядченко, Юлия Васечко
Литературный редактор Ирина Пятилетова
Корректор Елена Рыкова

Выражаем благодарность спонсорам за поддержку проекта
Москва - 2020

